

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация на обложке *Виктории Тимофеевой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Пегас, лев и кентавр / Емец Дмитрий Александрович. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Школа ныряльщиков (ШНыр, новый суперпроект Д. Емца).

ISBN 978-5-04-099941-5

ШНыр – не имя, не фамилия, не прозвище. Это место, где собираются шныры и которое можно найти на карте. Внешне это самый обычный дом, каждые сто лет его сносят и строят заново, чтобы не привлекать внимание.

Шныры не маги, хотя их способности намного превосходят всякое человеческое разумение — если где-то в мире происходит что-то значительное или необъяснимое, значит, дело не обошлось без шныров. Постороннему человеку попасть на территорию ШНыра невозможно. А тому, кто хоть раз предал его законы, вернуться назад нельзя.

Шныром не рождаются. Никакие сверхъестественные дарования или родство с волшебником для этого не нужны.

Выбирают шныров золотые пчелы, единственный улей которых находится на территории ШНыра. Никто не знает, кого пчела выберет в следующий раз и, главное, почему.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д.А., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-04-099941-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направле- ние на лагерь
					Привал
					Тут переправа

пегас, лев и кентавр

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищенная от гиел
					Осторожно! Магическое минирование
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязывать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

Книга — это вечная мысль. Рука, протянутая через десятилетия и века, когда рядом невозможно найти собеседника.

Йозеф Эметс, венгерский философ

КОДЕКС ШНЫРА

Когда тебе больно, не корчи из себя страдающего героя. Нужно или плакать в голос, или терпеть. Ты можешь дать всё другим, но ничего себе. Потому что ты шныр!

Наедине с собой ты будешь рвать зубами подушку, расшибать кулаки о стены. Но на людях ты будешь улыбаться. Потому что ты шныр!

Каждый нырок оплачивается жертвой.

Чем меньше жертва и способность к жертве, тем меньше возможности закладки, которую ныряльщик способен вытащить. Жертва не может быть больше, чем человек способен понести.

Для того, кто использовал закладку для себя, повторный нырок невозможен.

Никогда не нырявший или отказавшийся от нырков шныр может оставаться в ШНыре, но использовавший закладку для себя — никогда.

Самый тяжёлый нырок — всегда первый. На первой закладке шныр всегда испытывается максимальной болью.

На территорию ШНыра не может проникнуть ни один человек, окончательно утвердившийся во

пегас, лев и кентавр

зле и его ценностях или ощутивший себя явным добром. Это не мы так решили. Просто так есть, было и будет.

Новых шныров выбирают не люди, а золотые пчёлы, единственный улей которых находится в ШНыре. Почему пчёлы выбрали именно вас, мы не знаем — потому что когда-то точно так же они выбрали и нас. Хотя в отдельных случаях можем догадываться. Но догадываться не означает знать.

Случайно раздавить золотую пчелу нельзя, но её можно предать. В этом случае она умирает.

Глава 1

РАБОТА — ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ВИРУСНОЙ ЛЮБВИ

Принцип всякого продвижения: дойти до своего абсолютного предела и сделать один ма-а-аленький шагоч вперед.

*Из дневника
невернувшегося шныра*

Пятого декабря в Москве повалил снег. Прежде он выпадал с избирательной пугливостью: на крыши машин, парковые скамейки, гаражи и трансформаторные будки. Сейчас же снег приступил к делу серьёзно и посыпался так густо, будто где-то в небе гиелы — крылатые полугиены-полульвы — одновременно распотрошили десять тысяч подушек. Крупные снежинки не порхали, а солидно, как немолдые несущики, рассаживались каждая на своё место.

Движение остановилось. Светофоры подмигивали сами себе, дирижируя белой симфонией. Ехать стало некуда. Дороги исчезли. Автомобили отмахивались дворниками, на глазах превращаясь в сугробы. Как часто бывает, в стаде машин обнаружился истерик, который раз за разом нажимал на сигнал и гудел долго и сердито, непонятно чего и у кого требуя.

пегас, лев и кентавр

На строительной площадке прожекторы били снизу в подъёмный кран, и три столба света, пронзая белое пространство и смыкаясь, показывали абсолютную его бесконечность.

Когда начался снегопад, два молодых человека и девушка стояли на залитой электрическим светом площадке у метро и потешались над загадочной надписью «**Мясо курц в лаваше**». Это были Ул, его девушка Яра, большеротая и улыбчивая, и его лучший друг Афанасий.

Ул стоял, засунув большие пальцы в карманы, — любимая его поза. Среднего роста, не мускулистый, но литой, точно из дубового пня вытесан. Двадцать неполных лет, короткий шрам на верхней губе (результат пропущенного удара велосипедной цепью в парке им. Макса Горького), русская кровь с примесью калмыцкой, двести сорок два рубля в кармане, широкий размах плеч и ботинки сорок третьего размера. Вот и весь наш герой. Знакомься, читатель!

Афанасий на полголовы выше и на полгода младше. Таких, как он, часто называют красивыми. Худощавый, с узкими плечами и длинными жеребьячьими ногами. Волосы льняные, как у немецкого принца, у которого королевство такое маленькое, что ему то и дело приходится срываться с трона и ловить кур, чтобы они не пересекали государственную границу.

Афанасий смеётся, но на душе у него скверно. Он жалеет, что вообще поехал сегодня в город. Как правило, Афанасий избегает Яру, однако сегодня всё произошло против его воли. Вместе добрались до

Дмитрий Емец

города, вместе сели в метро. Станция конечная, притвориться, что тебе в другую сторону, невозможно.

Пока они ехали, Афанасий смотрел на своего двойника в окне поезда. По лицу двойника ползли бесконечные провода в чёрной оплётке, а на груди было написано **«Места для женщин с детьми и инвалидов»**.

Афанасий старался не слушать, о чём говорят Ул и Яра, но чем больше старался, тем сильнее обострялся слух. Болтали они о совершенной ерунде, но Афанасий всё равно ощущал себя гадом, подслушивающим у щёлки. Каждое слово казалось ему значительным, содержащим тайную, скрытую от всех нежность.

Изредка кто-нибудь из них вспоминал об Афанасии, обращался к нему и задавал вопрос. Афанасий отвечал с ненужной старательностью, хотя знал, что вопрос был задан только затем, чтобы не выключать его из общения. Мол, если мы втроём, то и говорить надо втроём, и никак иначе. Афанасий делал всё, что положено уважающему себя третьему лишнему: улыбался, отшучивался, но ощущал, что его разрывает. Ему хотелось завопить и дёрнуть стоп-кран. Пусть все повалятся друг на друга, а ему на миг станет легче.

Сознание Афанасия спешно искало лазеек. Внезапно он вспомнил, что ему надо купить крышку на объектив. Два года фотоаппарат — надёжный тридцатилетний старикан «Зенит», который он ставил выше всяких цифровиков, — отлично жил без крышки, а тут вдруг хозяин осознал, что это в корне

пегас, лев и кентавр

неправильно. Технику надо беречь. Он выскочил на «Пушкинской», а эти двое взяли и выскочили за ним следом. Наверное, среагировали на закрывающиеся двери.

— Нам не хотелось тебя бросать! — заявил Ул.

Афанасий едва не зарычал. Ул так и лучился дружелюбием. Афанасий знал, что если он сейчас оступится и улетит на пути перед поездом, то Ул, не мешкая ни минуты, кинется за ним и будет пытаться его вытащить. И от этого Афанасию становилось тошно. Правда, как предатель он ещё не состоялся, но ему казалось, что, полюбив Яру, он нанёс их дружбе удар в спину. Нельзя изменять и предавать даже в шутку. Это опаснее, чем взобраться на табуретку, накинуть себе петлю на шею, а потом попросить кого-нибудь вышибить эту табуретку и сбежать на кухню за стулом, потому что на стуле стоять удобнее.

Пока Ул не встречался с Ярой, Афанасий относился к ней спокойно. Если она ему и нравилась, то не больше, чем ещё три-четыре девушки. В его внутреннем списке Яра шла даже не первым номером.

Затем Ул с обычной для него решимостью, не раскачиваясь и не сравнивая, выбрал для себя Яру, чтобы любить её, «пока смерть не разлучит нас». И Яра как-то сразу это ощутила и отозвалась, хотя Ул никогда не произносил пылких речей. И тогда впервые на Афанасия — бойкого, неглупого, уважающего себя, своё красноречие и ум — дохнуло невыразимой внутренней правдой, которой не нужны слова. Если она, эта правда, есть, то любая девушка её почувствует.

Дмитрий Емец

Поначалу Афанасий, на правах лучшего друга, к Яре отнёсся критически. Ему не нравилось, что Ул всюду её с собой таскает, а она ходит и молчит, как робкая мышка, из которой вот-вот вылупится кошка. Это был ещё тот период, когда третьей лишней была она. Затем, хотя внешне ничего не изменилось и Ул кидался к нему всё так же радостно, Афанасий начал ощущать, что его постепенно задвигают в область декораций.

Дальше всё пошло по нарастающей, и Афанасий увяз, как оса в варенье. При этом, будучи человеком внимательным и не упускающим случая покопаться в себе, он смутно ощущал, что любовь у него не настоящая, то есть родившаяся независимо, а вирусная — возникшая из чувства конкуренции. Вырастить любовь самому сложно. Это как создать с нуля новый вирус гриппа, когда вокруг все здоровы. Заразиться же чужой любовью можно после одного чиха.

Но хотя любовь и оказалась вирусной, несчастен он был по-настоящему. Причём несчастен вдвойне, потому что вместе с девушкой, которая его не любила, мог лишиться и друга.

«Если бы Ул знал... — мрачно думал Афанасий. — Ну а что бы он сделал, если бы знал? Смог бы бросить Яру в мешке в море ради нашей дружбы?»

Яра, пока не брошенная в море, развила невероятную активность. Протащила бедного Афанасия через кучу магазинов и нашла-таки крышку для объекта, подходящую по диаметру. Заставив Афанасия порадоваться на полную катушку, счастливая пароч-

пегас, лев и кентавр

ка затянула его в кафе, где он выпил кофе и изжевал от тоски края картонного стаканчика.

Потом Афанасию предложили прогуляться по бульварам, и он согласился, хотя зимой гулять по бульварам удовольствие два процента от нижесреднего. Афанасий пинал носком крышку от пластиковой бутылки и, провожая взглядом прыгающий красный с белым брюшком кругляшок, грыз себя. Где он ошибся? Может, они с Улом взяли слишком высокий темп дружбы? Когда слишком быстро достигнешь накала, впоследствии сложно его удержать. Играть же на понижение уже нельзя. Дружба этого не прощает.

Два часа Афанасий тащился рядом, то обгоняя, то отставая.

— Я её родителям так и сказал: «Она у вас абсолютно неразвита, хотя и красавица! Человеку скоро двадцать, а он до сих пор вечерами присасывается мозгом к телеканализации!» А её папа, полковник разведки, мне: «Ты сперва женись, а потом перевоспитывай!» — говорил он, размахивая руками.

— А поехали к ней прямо сейчас! Рванём куда-нибудь вчетвером! — жизнерадостно предложил Ул.

Афанасий на секунду замолчал.

— Да запросто! — Он схватился за телефон, но в последний момент с сожалением оторвал трубку от уха.

— А, я забыл! Сегодня не может! У неё курсы, — сказал он.

— У неё всегда курсы. То МИД, то МГУ, то какие-то академии, — заметил Ул.

Дмитрий Емец

— А ты как хотел? Ну, может, хоть эти будут последними. Тогда и встретимся, — выразил надежду Афанасий.

Тут он лукавил, потому что знал, что курсы у его девушки будут продолжаться вечно. Ну или хотя бы до тех пор, пока сама девушка не появится в природе.

Пока же существовало только имя (Виктория), фамилия (дальновидно не засвеченная), квартира на Большой Никитской, важные родители и фотография сногшибательной красавицы. Придумалась Виктория как-то случайно — всплыла из деталей, прорезалась из небытия, — и теперь весь ШНыр знал, что у Афанасия где-то в городе есть девушка, которая ради него готова пешком пойти в Сибирь и только ждёт момента, пока известная фирма выпустит новую коллекцию зимней обуви.

Временами Афанасий ощущал, что начинает путаться в деталях, и, спохватившись, принимался продумывать обстоятельства разрыва с Викторией. Трагическая гибель? Роковая измена? Отъезд папы разведчиком в Гондурас с дочкой-шифровальщицей и женой-снайпером?

Пока же счастливый возлюбленный шифровальщицы из Гондураса брёл за девушкой друга и пытался убедить себя, что ему не нравятся её ноги. И вообще радовался, что она почти всегда ходит в камуфляжных брюках, которые каждую девушку автоматически превращают в боевого товарища.

Всю осень в любой свободный час Ул и Яра бродили вдоль Москвы-реки и, глядя на громыхавшие эстрадными мелодиями прогулочные трамвайчики,

